

Поиски стабильности в зоне неопределенностей

Юрий Давыдов

Опубликовано: США, Канада - экономика, политика, культура. 2004. № 1. С. 94-97.

Сегодня, наверное, все исследователи международных отношений признают, во-первых, что эти отношения претерпевают изменения фундаментального порядка и, во-вторых, что темпы изменений значительно возрастают. В результате многие традиционные понятия, категории, закономерности международных отношений, объясняющие (регулирующие) взаимодействие их субъектов, не только дают сбои, но становятся причиной неверных рекомендаций и ошибок на уровне их реализации. В самом деле, за последнюю четверть века дважды ядерные сверхдержавы терпели поражение от государств далеко не первого силового порядка (США и СССР во Вьетнаме и Афганистане). Традиционные критерии и категории все реже объясняли, почему развитие событий пошло тем, а не иным способом. "Впервые в истории оказалось, что войны в этом веке, - подчеркивает Н.А. Косолапов, - преимущественно заканчиваются не так, как ожидал тот, кто их начинал, но с прямо противоположными для инициатора результатами" (с. 192) Появление однополярного мира не повело (как это бывало ранее) к возникновению контрсилы, несмотря на отчаянные попытки России (с Францией и Германией, потом с Китаем и Индией) сделать это. События 11 сентября 2001 г. выявили, что некоторые категории (обычно регулирующие и стабилизирующие систему международных отношений), такие как сила, сдерживание, устрашение, мировое равновесие и прочие, сегодня не работают более в традиционном режиме. Поиски стабильности все чаще идут в зоне повышенной неопределенности. По мнению авторов, рушился не только очередной мировой порядок, но происходила смена парадигмы международных отношений. В чем суть этих изменений? Способно ли нынешнее политическое мышление освоить возникновение и движение новых тенденций? Насколько эффективны его инструменты познания? И каковы контуры этого нового бытия, к которому должен приспособиться и мир, и международные отношения? Какую новую роль будут (смогут) играть в новом миропорядке Соединенные Штаты и Россия?

Авторы по-разному раскрывают этот вопрос. Для М.А. Хрусталева, кажется, ответ на него лежит, прежде всего, в области методологии исследования международных отношений как составной части политологии. По его мнению, здесь в наибольшей мере применим "нормативный политический анализ". По сути своей он представляет собой "применение политологии для проведения прикладного политического исследования, объектом которого являются существующие реалии политической жизни общества, и которое в принципе ориентировано на получение практически полезных результатов" (с. 86). Исследование ведется на трех уровнях - содержательном, экспертном и модельном, причем двум первым присущ логико-интуитивный метод, а последнему - метод моделирования. Конечно, определять "нечто" через него самого, возможно, не лучший способ раскрыть суть понятия (в данном кратком определении "нечто политическое" объясняется как "нечто от политики"), но теория (социология) международных отношений - наука молодая, испытывающая нужду в собственных дефинициях, которым требуется время для своего утверждения. Можно было бы отметить, что методик исследования международных отношений существует столько же, сколько и авторов, пишущих на данную тему. И ни одна из них, по сути дела, не является общепризнанной. Ценность их - в совокупности, но это означает, что вклад каждого исследователя не только уникален, но и необходим, ибо он является той частью, без которой нет целого. Очевидно в сфере методологии фактор неопределенности является сегодня одним из наиболее стабильных.

Для Н.А. Косолапова ответы на эти вопросы лежат в сфере познания, эпистемологии, в сфере понятий, либо новых, либо прежних (по форме), но суть которых значительно меняется, наполняясь новым содержанием. Это прежде всего такие "бытовые" для внешней

среды категории, как международные отношения, сила, безопасность, международный конфликт, стабильность, либо такие новые понятия, как глобализация, внешнеполитическое сознание. Касаясь последнего, автор утверждает, что "внешнеполитическое сознание можно определить как всю совокупность существующих на данный исторический момент представлений людей по вопросам внешней политики государства и международных отношений, международной жизни и мирового развития, взятую в единстве всех форм выражения этих представлений и их исторической эволюции, в диалектической целостности всех существующих (в том числе и противоборствующих) школ и тенденций, в ее взаимосвязи и взаимодействии с реальной общественной практикой и с другими компонентами системы общественного сознания, во всем многообразии ее социальной основы" (курсив Н.А. Косолапова, с. 220). Автор подчеркивает, что ключевое слово здесь - "все", поскольку никакие взгляды и представления, касающиеся международной жизни, даже самые странные, не должны быть исключены из этого понятия. И, наверное, с этим можно согласиться, если верна наша первая посылка относительно неопределенности (неочевидности) тех факторов, которые оказывают сегодня решающее воздействие на формирование и развитие международных отношений, систем мирового порядка и мирорегулирования.

А.Д. Богатуров пытается ответить на эти вопросы, анализируя структурные (фундаментальные) изменения во внешней среде, в мироустройстве и те последствия, которые они приносят во всю систему международных отношений. Сдвиги, по его мнению, "зародившиеся в мировой системе недавно, наложились на долговременные тенденции мирового развития, уходящие корнями своими в середину прошлого века - послевоенную эпоху, подготовившую условия для нынешних перемен" (с. 373). Результатом этого стало размывание послевоенной биполярной структуры международных отношений. Вместо нее к концу века обрело очертание, а затем стало крепнуть, проявляя свои достоинства и пороки, новое постбиполярное, а по сути однополярное мироустройство, непонятным образом паразитирующее на идущем вглубь и вширь процессе глобализации. Автор приводит свое видение много-, би- и однополярного мира, количественно отличающихся друг от друга составом "центров (комплексной) силы". Причем "центры силы" выражают не равноправие (категория абстрактная), они демонстрируют реальное равенство возможностей. Автор крайне критически настроен в отношении официальной (подсказанной российской дипломатии то ли французами, то ли китайцами) концепции многополярного мира, который, пока непонятно, либо есть, либо его еще надо построить. Но и однополярность кажется ему определением слишком упрощенным, соседствующим с империей. Поиск более утонченной дефиниции приводит его к диалектическому заключению, что речь скорее всего может идти о "плюралистической однополярности". Она обещает быть "однополярностью смягченного, плюралистического" типа, в рамках которой сильнейшая держава мира, по-видимому, не будет обладать возможностью жесткого контроля над происходящим в той или иной части мира, хотя сможет пользоваться труднооспоримым влиянием" (с. 291).

Посредством массированных усилий, отмечает далее А.Д. Богатуров, Соединенные Штаты и их союзники стали развертывать по-своему грандиозную работу с целью создать на планете универсальную межгосударственную и трансгосударственную общность - "мировое общество", основанное на западных идеалах и ценностях, опирающееся на экономическую, политическую, военную мощь Запада, на привлекательность его обустройства, на жизненные стандарты и образцы поведения в бизнесе, в обеспечении безопасности, в политике и в быту.

Опуская несколько планку, поднятую им, видимо, слишком в заоблачные дали, автор в конце концов приходит к выводу, что "при любом наименовании суть нынешнего мироустройства выражается термином "глобализация", структурный смысл которого состоит в реализации проекта создания всеобъемлющего, универсального миропорядка, на базе формирования экономической, политико-военной, и, по возможности, этико-правовой общности преобладающего большинства наиболее развитых стран мира посредством максимально широкого распространения зон влияния современного Запада на остальной

мир" (курсив автора, с. 376). В этой схеме мироустройства как и в реальной жизни прежняя ясная диалектика уходит в тень, а на передний план выходит неопределенность, обусловленная ориентацией мирового сообщества на общие и слишком расплывчатые ценности.

В своем анализе истоков, содержания, последствий сдвигов в системе международных отношений авторы активно используют инструментарий и понятийный аппарат западной политологии. Иногда это затрудняет понимание высказываемых по ходу дела суждений, дефиниций, выводов, особенно для неподготовленного читателя. Однако известная усложненность стиля изложения отражает не просто абстрактный (или постмодернистский) характер авторского мышления, но и сложность самих процессов взаимодействия, идущих во внешней среде. Теоретические схемы и конструкции необходимы для того, чтобы понять (выразить) внутреннюю логику международного развития, которая не всегда укладывается в традиционное видение (осмысление) внешнего мира. К тому же эти схемы и конструкции являются той основой, на которой выстраиваются и практические рекомендации применительно к поведению новой России в новом мире. Разумеется, эти рекомендации и предвидимые их последствия свои у каждого автора. Общим является лишь их методологический подход, с ним можно и не соглашаться, более того - можно спорить, но его уже нельзя игнорировать: он уже занял свою нишу в российской историографии и теории международных отношений. По мнению А.Д. Богатурова, кратко этот подход заключается в следующем: сегодня, когда Россия слаба, а мир, следуя собственной логике, стремится преодолеть разобщенность в неприятной (и не всегда понятной) для Москвы форме "плюралистической однополярности", надежда российского политического мышления на самодостаточность и нестесненность во внешнеполитической сфере представляется утопичной. Объективной реальностью нынешних международных отношений является то, что Соединенные Штаты - лидер современного мира и, хотим мы этого или нет, опора его стабильности в рамках "плюралистически однополярной" структуры, даже может (и, наверное, должно) быть кому-то не по вкусу. Это может (и опять, наверное, должно) кого-то тревожить. Но это есть, и было бы неосторожно это игнорировать. Важно и другое. Формы новой модели мира еще не затвердели. И международная цель Москвы могла бы состоять в том, чтобы внести свою лепту в формирование этой новой модели, попытавшись сделать новую международную структуру более плюралистической и менее однополярной.

Думается, что "Очерки теории и политического анализа международных отношений" трех авторов не только привлекут внимание специалистов международного профиля, студентов соответствующих вузов, факультетов, кафедр, всех, кто хотел бы глубже понять процессы, происходящие во внешнем мире, но и породят плодотворную дискуссию в этой среде. И если это случится, то можно будет с уверенностью утверждать, что "Очерки..." появились не только не зря, а просто вовремя.